

ВОЗМОЖНОСТИ КАЧЕСТВЕННОГО СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА (QCA) ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ¹

Е.Ю. Мелешкина

*Институт научной информации по общественным наукам
Российской академии наук (ИНИОН РАН)*

Аннотация: *В статье исследуются возможности и результаты применения метода качественного сравнительного анализа (КСА) к изучению институциональных трансплантаций в 25 посткоммунистических государствах Европы и Азии. Подробно анализируется разработанный на основе КСА аналитический инструментарий исследования, позволивший создать типологию институциональных трансформаций в этих странах.*

Ключевые слова: *метод качественного сравнительного анализа (КСА); институциональные трансплантации; типология посткоммунистических трансформаций.*

В политической и смежных общественных науках существуют различные подходы к ответу на вопрос об исследовании причинно-следственной связи. Основное размежевание проходит между сторонниками количественных и качественных методов и стратегий исследования. [Mahoney Goertz 2006: 227–249]

Первые часто рассматривают систематический статистический анализ как единственно верный способ установления причинно-следственной связи и осуществления генерализации. Для них важным является выявление общей для изучаемой совокупности тенденции и неизменным — разворачивание механизма связи в определённом контексте. При этом сложность и индивидуальность казусов часто не учитывается. Значение имеют отдельные характеристики-переменные, извлечённые из контекста, между которыми устанавливается связь.

Сторонники качественных методов порой обращают внимание на сложность изучаемых явлений, на существенное влияние контекста. Поэтому они делают вывод о неприменимости или ограниченности количественных методов, об излишней механистичности выводов сторонников количественных методов, о неспособности последних прояснить функционирование механизма того или иного явления. Сторонники качественных методов выступают за использование методик, позволяющих учитывать контекст (например, казусно-ориентирован-

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 13-03-00399а («Между патримониальным и современным политическим порядком: Качество управления в странах постсоветского пространства»).

ное сравнение), справедливо полагая, что контекст влияет на политические и другие общественные явления. Такой подход, несмотря на важность выдвигаемых аргументов, зачастую оказывается недостаточным для решения задачи изучения и типологизации ряда казусов, так как он предполагает отсутствие или недостаточную строгость инструментов сравнения.

Для решения обозначенных проблем ряд исследователей предлагает использовать так называемые смешанные методы или стратегии. Среди них — качественный сравнительный анализ (QCA)². В политической науке он стал применяться сравнительно недавно, однако уже получил широкое распространение³, в том числе в разных тематических областях политической науки⁴.

В основе качественного сравнительного анализа лежит булева алгебра, которая предполагает анализ эмпирических данных путём формализации качеств («причин» и «следствий») с помощью высказываний, оцениваемых как истинные (наличие качества) или ложные (отсутствие качества), их сведение в таблицы истин, а также анализ таблиц истин путём различных процедур, в частности минимизации логических выражений.

В отличие от основных установок сторонников применения количественных методов, качественный сравнительный анализ предполагает несколько иное понимание причинности. Можно, пожалуй, говорить о том, что сторонникам QCA близок неоньютоновская трактовка причинности, учитывающая возможность наличия множества причин и сложность однозначного вычленения причины и следствия. Неоньютоновская трактовка причинности предполагает следующее. Результат не всегда является следствием одной и той же причины (условия). Для того чтобы какое-то условие было достаточным для результата, может потребоваться взаимодействие между причинами. Причинность носит вероятностный характер, утверждения относительно законов не могут носить безусловный характер, а относятся к особым случаям.

Подобное понимание причинности обуславливает особенности качественного сравнительного анализа. QCA — это стратегия, направленная не на выявление «главных», универсальных или общезначимых тенденций и исключений, а на поиск различий между казусами (diversity-oriented analysis), сходства между ними в этих различиях. Целью QCA является нахождение достаточно простых сочетаний небольшого количества характеристик, включённых в анализ. При этом причина понимается как ситуация одновременного присутствия «условий» и «отклика» (outcome)⁵. Ищутся именно сложные причины, представленные как сочетания отдельных условий. Иными словами, QCA предполагает обнаружение связи не между отдельными характеристиками, а между их сочетаниями. При этом важным является не количество казусов-примеров таких сочетаний, а количество этих сочетаний, типов ситуаций (diversity-oriented analysis).

Таким образом, преимущество QCA по сравнению с количественными методами заключается в том, что он позволяет сохранить ориентацию на понимание уникальности казусов при решении задач сравнения и типологизации. Однако в отличие от качественных стратегий здесь имеются более широкие возможности для осуществления сравнения в силу того, что качественный сравнительный анализ позволяет:

1. исследовать явления с учётом их сложности, многообразия и многоаспектности;

² О QCA см. подробно Ragin 1987; Ragin 2008; Configurational Comparative Methods... 2008.

³ Итогам 25-летнего использования качественного сравнительного анализа посвящён даже номер журнала: Political research quarterly. — 2013. — Vol. 66. — № 1.

⁴ Метод использовался для изучения политической культуры, смены режимов, революций и переворотов, мобилизации национальных меньшинств, классовых конфликтов, политики государства всеобщего благоденствия и т. д.

⁵ Такая терминология используется сторонниками качественного сравнительного анализа вместо более привычных «причины» и «результата».

2. осуществить переход от описания отдельных случаев к более систематическому описанию объектов в малых и средних выборках;
3. расширить возможности качественного анализа данных и «примирить» качественное описание объекта с формальным анализом;
4. сохранить баланс между казусной ориентированностью с учётом сложного индивидуального контекста и поиском обобщений;
5. выявить различия между казусами и их типами и создать типологию.

Отмеченные возможности качественного сравнительного анализа делают его привлекательным для выявления типов сочетаний причин-следствий (точнее условий и откликов) в посткоммунистических странах. В качестве иллюстрации этой возможности далее в статье будут представлены предварительные результаты исследования эффективности заимствования институтов в посткоммунистических странах.

Институциональная трансплантация

Под институциональными заимствованиями институтов, которые могут осуществляться на основе идей, прошлого опыта, практики других стран, в работе понимается перенос политических институтов из одних политических, культурных и временных контекстов в другие. Поскольку для обозначения этого процесса термин институциональная трансплантация используется, пожалуй, чаще всего, в статье это понятие будет использовано как синонимом институционального заимствования.

В общем виде положительный результат или эффективное заимствование можно охарактеризовать как формирование способности заимствованных институтов реализовывать их функции. Формирование такой способности происходит в процессе институционализации новых норм и правил, которая может пониматься как когнитивный процесс. При таком понимании институционализации результатом успешной институционализации является генерализация, общественное признание новых норм и правил. Подобное понимание выводит нас на проблему взаимодействия легитимности-эффективности институтов (известно, что иногда в общественно-политической практике возникает замкнутый круг, связанный с невысокой эффективностью новых институтов, отрицательно влияющей на их признание в условиях высоких ожиданий по отношению к ним). Однако для предварительной оценки эффективности трансплантации институтов в посткоммунистических странах данная задача — оценка общественного признания — представляется избыточной.

Можно выделить два основных подхода к успеху институциональной трансплантации. Первый основан на оценке действий акторов, практических и административных аспектов трансплантации. Второй — политического, правового и культурного сходства страны-донора и реципиента и предполагает наличие конгруэнтности как основы успеха. Среди исследователей, признающих важность контекста, средовых факторов нет согласия относительно набора последних.

Одним из вариантов объяснения влияния средовых факторов является подход Норта, Уоллиса и Вайнгаста [North, Wallis, Weingast 2009] значительное место в объяснительной концепции которых занимает тропа зависимости и контроль над насилием.

В своих работах эти авторы используют деление «политических порядков» на три вида. Два из них сочли полезными для использования в изучении проблемы институциональной трансплантации в посткоммунистических странах. Это:

- иерархичный порядок с ограниченным доступом, в котором правила и практики не носят универсального характера, существуют рента и привилегии, отсутствует монополия на насилие;

- порядок с открытым доступом, предполагающий неперсональный характер правил и процедур, обмен посредством контрактно-принудительного аппарата, высокую специализацию управленческого аппарата и т. д.

Последний тип авторы классификации условно сопоставляют с современным государством.

Согласно концепции Норта, Уоллиса и Вайнгаста, успех трансплантации институтов (rule of law, выборы и иные институты демократии, экономическая конкуренция) зависит от успешности решения задач преобразования порядка с ограниченным доступом в порядок с открытым доступом, на процесс которого влияет тропа зависимости. Эту идею мы пытались использовать для выявления условий эффективности заимствованных институтов.

Другая группа исследователей, признающих важность контекста, обращается к культурным основаниям для объяснения институциональных изменений или их отсутствия. [Zweynert 2009: 339–360] Культура здесь понимается как разворачивающееся взаимодействие между формальными и неформальными нормами. В рамках этого подхода эффективность импорта институтов соотносится с особенностями местной культуры. Предполагается, что политические акторы могут способствовать процессу институциональной трансплантации, но не предопределять его. Также способствовать этому процессу могут политические кризисы. Но и они не являются его неперенным условием. Этот подход также заслуживает внимания. Результаты исследования, выполненного в рамках нашего проекта, косвенно свидетельствуют о воздействии культурных особенностей исследуемых стран на функционирование институтов и результат институциональных заимствований. Однако, понимая сложность формализации культурных факторов и опасность произвола в этом процессе, мы их специально не учитывали в нашем исследовании.

В целом в исследовательской литературе выделяются четыре основных фактора, влияющих на успех институциональных изменений, включая трансплантацию.

Первый предполагает радикальный разрыв с укоренившимися практиками [De Jong Stoter 2009: 311–330; Roland 2004: 109–131]. Добавим, что в этом смысле в период перемен, особенно решения судьбоносных задач типа образования нового государства, важным является принятие радикальных институциональных решений. Это обстоятельство мы учитывали в нашем исследовании при выявлении факторов, влияющих на институциональные изменения в посткоммунистических странах.

Во-вторых, имеет значение контекст и адаптация к нему импортированных институтов [Berkowitz, Pistor, Richard 2003: 165–195; De Jong, Stoter 2009: 311–330]. Ряд контекстуальных факторов мы пытались учесть в нашем исследовании. Что касается адаптации, то мы отказались от прямого учёта этого фактора в силу сложности его формализации.

В-третьих, в качестве значимого фактором отмечают знакомство в обществе-реципиенте с новым институтом. Такое знакомство облегчает процесс адаптации [Berkowitz, Pistor, Richard 2003: 165–195]. В частности от подобного знакомства выигрывают колонии, возникшие как поселенческие (Канада, Австралия).

Некоторые исследователи, отмечающие важность этого фактора, подчёркивают позитивную роль, которую могут играть различные акторы, поддерживающие процесс ознакомления с институтами и их адаптации: «институциональные предприниматели» (“institutional entrepreneurs”), «культурные предприниматели» (“cultural entrepreneurs”) или «правовые посредники». [Zweynert 2009: 339–360; Berkowitz, Pistor, Richard 2003: 165–195; De Jong, Stoter 2006: 311–330] Однако в целом более значимыми здесь являются институциональные традиции, которые мы также пытались учесть в нашем исследовании.

В-четвертых, значимым фактором может быть обратное влияние заимствованных институтов на местную культуру и неформальные институты, т. е. «рекогнитивный» процесс

[Chang, Evans 2005: 103] который в свою очередь влияет на будущее заимствованных институтов. К сожалению, данный фактор также довольно сложно формализовать. Поэтому мы не использовали его в нашем исследовании.

Помимо этих факторов исследователи также отмечают влияние международной среды и процессов глобализации. Современная международная система предполагает распространение в мировом масштабе норм и институтов национального государства и демократии.

Помимо этого, под влиянием глобализации происходит интенсификация институциональных заимствований, которая характеризуется в ряде случаев ускорением заимствований и увеличением дистанции (в том числе культурной) между донором и реципиентом. Отсюда возрастает проблема институциональной адаптации и несовместимости.

Стремясь учесть контекст институциональных заимствований в нашем исследовании, мы обратились к анализу особенностей институциональных традиций стран, входящих в нашу выборку. Важным обстоятельством для нас было то, что все посткоммунистические страны на том или ином этапе своего развития входили в состав континентальных империй или являлись их зависимыми территориями. Ряд стран в коммунистический период, входили в состав СССР, унаследовавшего многие черты имперской организации. Другие были в сфере его влияния. Это не могло не сказаться на специфике институциональных традиций. В большей или меньшей степени в странах нашей выборки (особенно в государствах постсоветского пространства) присутствуют элементы «порядка с ограниченным доступом», что затрудняет процесс укоренения институтов «порядка с открытым доступом». Для ряда посткоммунистических стран них характерны сохраняющиеся черты иерархической косвенной системы управления, характеризующейся опорой на личностные связи, распространение патрон-клиентских отношений, слабая степень универсализации правил и практик (включая деятельность государственного аппарата), слабая дифференциация между частной и публичной сферами и проч. Институциональное заимствование в этих условиях осложняется потенциальной открытостью и несогласованностью границ различного рода (территориальных, политических, культурных, экономических), сопровождающиеся рассеиванием контроля центра и отсутствием согласия населения по устанавливающим вопросам⁶.

Типы и условия институциональной трансплантации в посткоммунистических странах

Использование формальных критериев для определения типов и эффективности трансплантации различных институтов с учётом влияния странового контекста, о важности которого говорилось выше, — довольно сложная и амбициозная задача. Для оценки эффективности трансплантируемых институтов мы решили использовать имеющиеся индексы, которые позволяют условно отнести государства в нашей выборке к трем группам: стран с успешной трансплантацией заимствованных институтов, отстающих в этом отношении и «среднячков».

Учитывая тот факт, что, как отмечают исследователи, перед посткоммунистическими странами в период общественно-политической трансформации после падения коммунистического режима стояли задачи демократизации, формирования рыночной экономики и современного государства, предполагающего господство права, мы обратились к тем имеющимся индексам, которые отражают данные аспекты социально-экономической и политической жизни. Эти же аспекты с плане результатов трансплантации институтов предлагают оценивать и

⁶ Об этом см., например: Мелешкина, 2012; Мелешкина 2013: 10–29.

Норт, Уоллис, Вайнгаст. [North, Wallis, Weingast 2009; North, Wallis, Webb, Weingast 2007; North, Wallis, Weingast 2009: 55–68]

В качестве основных данных, на которые мы опирались при отнесении той или иной страны из нашей выборки к группам стран по успешности трансплантации, мы использовали индексы управляемости Всемирного банка. При этом мы учитывали, что при всех проблемных особенностях этих индексов (сложносоставность, повторяемость исходных данных, недостаточно продуманная процедура агрегирования и т. д.) они обладают важными для нашего проекта достоинствами, среди которых следует особенно отметить единую шкалу и соответственно сопоставимость индексов, свидетельствующих о разных сторонах общественно-политической и социально-экономической жизни.

В нашем исследовании мы использовали следующие три показателя: господства права (rule of law), голос и подотчётность (voice and accountability) и качество регулирования (regulatory quality). Господство права предполагает доверие и подчинение существующим общественным нормам. Голос и подотчётность свидетельствует о наличии возможностей у граждан влиять на формирование и смену правительства, основных политических прав и свобод, транспарентность в принятии политических решений. Качество регулирования означает восприятие способности правительства формулировать и осуществлять ясную политику, которая допускает существование частного сектора и способствует его развитию. [Kaufmann, Kraay, Mastruzzi 2010] Индекс может косвенно рассматривать как показатель эффективности трансплантации институтов рыночной конкуренции.

В нашу выборку входили только посткоммунистические страны. Это было обусловлено наличием объединяющего их исторического опыта, коммунистического прошлого, и общим временным периодом трансформации. Перед ними стояли похожие задачи формирования институтов правового государства, демократического правления и рыночной конкуренции. Решение этих задач предполагало осуществление институциональных заимствований, реализованных с разными результатами. В ходе исследования нам было интересно выяснить, каким образом особые условия, имевшиеся в разных странах нашей выборки, способствовали тому или иному результату институционального заимствования.

В выборку были включены не все посткоммунистические страны, а только те, по которым имеются данные по всем используемым нами в исследовании переменным-условиям. В частности, в выборке отсутствует ряд государств, в отношении которых нет показателей индекса институциональных и экономических реформ (об использовании индекса в исследовании см. ниже). Это некоторые страны постюгославского пространства и Монголия.

Опираясь на выводы, сформулированные в результате анализа исследовательской литературы, нами был выделен ряд условий, способных повлиять на институциональные трансформации, включая заимствования. При этом мы учитывали особенности нашей выборки, в которую входят страны бывшего СССР и отчасти СФРЮ (то есть новые независимые государства, возникшие на при распаде бывших имперских образований) и ряд стран Восточной Европы, входивших в социалистический лагерь и находившихся под сильным влиянием СССР. Таким образом, некоторые имперские черты организации государственной власти могут быть обнаружены не только в Советском Союзе, но в той или иной степени на всем социалистическом пространстве. Мы учитывали это обстоятельство при выделении основных факторов-условий, влияющих на успех трансплантации институтов.

Первое условие — это влияние внешнего фактора, точнее наличие накладываемой международными структурами нормативной рамки и контроль за ее исполнением. Выделяя этот фактор мы учитывали особенности современной международной системы и ее влияния на государства, переживающие социально-политические трансформации. Сложившаяся в XX веке международная система была основана на представлениях и нормах развития европейского

государства, к которым постепенно добавились нормы, связанные с политическими режимами, правами человека и т. д. Эти нормы, которые в качестве критериев и обязательств распространялись и накладывались на новые государства. Они неизбежно носили отпечаток евроцентричности: «Европейцы играли главную роль в создании современной международной системы государств (*contemporary international state-system*) и вероятно оставили на ней отпечаток своих особенных политических институтов... Возможно, верно и то, хотя и не по обычно предполагаемым причинам, что тому государству, которое усвоило западные формы организации, придётся куда легче в международной системе — в конце концов, эта система выросла в тесной связи с данными формам» [Tilly 1975: 637]. В данном высказывании Ч. Тилли прекрасно отражается суть воздействия современной международной системы на процессы институциональной трансформации и заимствования.

Влияние международной системы сказывалось на институциональном развитии новых независимых государств в межвоенный период. В посткоммунистический его воздействие ощущается ещё сильнее, в том числе благодаря активной деятельности международных надгосударственных структур. Некоторые из них, например Европейский Союз, предполагают тесную интеграцию стран-членов и предъявляют к ним строгие требования в области правовых норм, управленческих и иных политических практик. Существенное влияние на институциональное развитие оказывается не только членство в ЕС, но и статус кандидата.

Как известно, в 2004 году Литва, Эстония и Латвия, Венгрия, Польша, Словакия, Словения и Чехия вступили в ЕС. Это было наибольшее расширение Европейского союза по людским и территориальным показателям. В 2007 г. членами Европейского Союза стали Болгария и Румыния, в 2013 г. — Хорватия. Статус кандидата имеет одна страна из нашей выборки — Македония (с 2004 г.), однако она ещё не начала переговоры о присоединении.

Вступлению стран Восточной Европы в ЕС предшествовали длительный процесс переговоров, формулировки требований к странам-кандидатам, осуществления реформ в них и контроля за их реализацией. Среди основных критериев приёма в члены ЕС (Копенгагенские критерии) были: наличие стабильных институтов, которые гарантируют демократию, верховенство права, прав человека, уважение и защиту меньшинств, существование жизнеспособной рыночной экономики, возможность противостоять давлению конкуренции внутри Европейского Союза, способность взять на себя обязательства, связанные с вступлением в ЕС, в особенности, поддерживать цели политического, экономического и валютного союзов, способность самого Европейского Союза абсорбировать новых стран-членов, не ставя под угрозу собственную целостность и стабильность. В 1994 г. Европейским Союзом была одобрена программа подготовки стран-кандидатов к вступлению в ЕС «Подготовка ассоциированных стран Центральной и Восточной Европы к интеграции во внутренний рынок Европейского Союза». На заседании Европейского совета в Мадриде в декабре 1995 г. были введены дополнительные критерии приёма в члены ЕС, связанные со способностью вступающих стран принимать и осуществлять одобренную Европейским Союзом структурную и аграрную политику.

Как следует из проведённых исследований, посвящённых влиянию членства в ЕС на развитие государственных институтов в посткоммунистических странах, предъявляемые Европейским Союзом требования к их качеству, а также контроль за реформами явились положительным фактором развития институтов государственного управления [Meyer-Sahling 2009: 563–581; *The European Union and the Baltic states...* 2010]. Кроме того, сопоставление различных данных, характеризующих политические режимы, с членством посткоммунистических стран в ЕС также показывает, что показатели, свидетельствующие о демократичности режима, у членов Европейского Союза выше, чем у других посткоммунистических государств.

Эти результаты позволяют предположить, что участие в международной интеграции и особенно в случае с посткоммунистическими странами членство в Европейском Союзе является значимым фактором-условием, влияющим на специфику институциональных трансформаций, механизм и результаты институциональных заимствований. В нашем исследовании участие в международной интеграции учитывалось в виде оценки истинности высказывания относительно членства в Европейском Союзе (условие В).

Поскольку результат институциональных трансплантаций (или «отклик») оценивался нами по данным Всемирного банка 2007 г., то и членство в ЕС оценивалось на этот период времени. Две страны, Болгария и Румыния, вступившие в ЕС как раз в 2007 г. кодировались в нашем исследовании не как члены ЕС. Однако фактор подготовки этих государств к членству в Европейском Союзе учитывался нами при интерпретации результатов исследования.

Второй выделенный нами фактор-условие — наличие традиций собственной государственности в XX веке. Наличие традиций самостоятельной государственности позволяет снизить издержки на «изобретение», заимствование и легитимацию новых институтов, связанных с функционированием государства и нации. Однако опыт самостоятельной государственности в XX веке имеет в этом отношении особое значение по следующей причине. Именно в XX веке международное сообщество стало позиционировать себя как мировое. Именно в XX веке были выработаны те во многом евроцентричные требования и нормы в отношении новых государств, которые отмечались выше. Именно в XX веке были выработаны основные механизмы контроля за реализацией этих норм. Помимо этого, именно в XX веке европейские страны наиболее отчётливо столкнулись с одновременным соревнованием между различными моделями организации власти (между имперской формой и современным государством, между автократическими формами и демократией) и это соревнование распространилось на весь мир.

Посткоммунистические страны, имевшие опыт самостоятельной государственности, формирования нации и демократизации в XX веке, демонстрируют склонность к воспроизводству некоторых институтов управления, правовых норм. У них имеются более развитые основания для общегосударственной идентичности граждан. В связи с этим уместно упомянуть мнение ряда исследователей, что в некоторых странах Восточной Европы воспроизводятся отличительные черты организации власти, сформировавшиеся в докоммунистический, межвоенный период [Stark, Bruszt 1998; Grzymala-Busse 2002]. Некоторые посткоммунистические страны, например страны Балтии, продекларировали конституционную преемственность, возродили органы государственной власти, существовавшие в межвоенный период, пытались воссоздать аналогичные структуры политического представительства (например партии) и т. д. В связи с этим мы предположили, что опыт (пусть и ограниченный) создания институтов «порядка с открытым доступом» — условие, позитивно влияющее на заимствования соответствующих институтов.

Учитывая важность опыта создания собственных институтов государственного управления, основ конституционного устройства и институтов регулирования членства в политическом сообществе, полученного в XX веке, в качестве одного из гипотетических условий эффективности трансплантации мы использовали в нашем исследовании оценку истинности высказывания относительно наличия опыта самостоятельной государственности (условие А). При этом истинным это выражение считалось только в том случае, если независимая государственность существовала такое количество времени, которое позволило наработать собственный опыт институционального строительства в области государственного управления, формирования нации и т. п. Среди государств постсоветского пространства только страны Балтии обладали таким опытом в межвоенный период.

Что касается России, то в нашем исследовании мы осуществили два варианта кодирования и соответственно два варианта типологизации условий заимствований. В первом высказывание относительно наличия опыта самостоятельной государственности кодировалось как ложное (т. е. кодировалось 0). При этом учитывалось, что в XX веке Россия выступала преимущественно как центр СССР — государственного образования, обладавшего многими чертами имперской организации власти. Опыт строительства институтов современного государства и нации в нынешних границах у России был крайне ограниченным и сопоставимым с некоторыми другими республиками будущего СССР, соответствующее высказывание в отношении которых также оценивалось как ложное.

Во втором варианте кодирования мы учитывали доминирующий в России общественно-политический дискурс, основанный на идее юридической преемственности СССР-России. В этом варианте высказывание по условию А (наличие опыта самостоятельной государственности в XX веке) оценивалось как истинное. Несмотря на то что мы осуществили данный вариант кодирования и использовали его в уравнениях и выводах, нам он представляется некорректным, нарушающим исследовательскую логику и осложняющим получение адекватных выводов относительно типов сочетаний условий и откликов.

Третий фактор-условие — это характер осуществляемых реформ. Выделяя это условие, мы исходили из предположения, что для трансформации политических институтов существенное значение имеют периоды «критических развилок», во время которых наиболее явно проявляется влияние агентивные факторы. В эти моменты политического развития возрастает неопределённость и акторы побуждаются к выбору альтернативных институциональных решений. В то же время решения, принятые в период «критических развилок», их последовательность формируют паттерны последующего институционального развития той или иной страны, задают последующую логику воспроизводства институтов [Sarocchia, Kelemen 2007: 341–369]. Поэтому этот фактор приобретает самостоятельное значение для определения характера и результатов институциональных заимствований. Это справедливо и в отношении формирования основных институтов государства и политического режима в посткоммунистических странах. В связи с этим важным является вопрос о том, какие реформаторские решения были приняты в этих странах на этапе интенсивной политической трансформации, как именно эти решения повлияли на характер и динамику институционального развития.

В связи с этим можно выделить три типа стратегии реформ, которые, с нашей точки зрения, по-разному влияют на успех трансплантации.

Во-первых, радикальная смена старых (в том числе имперских по сути) институтов, полный слом старой структуры управления и правил, попытка их замещения новыми (или/и, применительно к некоторым посткоммунистическим странам, заимствованными из прошлого довоенного опыта). Иными словами, эта стратегия может предполагать радикальный слом институтов «порядка с ограниченным доступом» и попытку их замещения институтами «порядка с открытым доступом». Эта стратегия предполагает высокие издержки на начальном этапе, но снижение количества необходимых ресурсов и трансакционных издержек на преодоление противоречий между старыми и новыми институтами в дальнейшем и в силу снижения трансакционных издержек возникновение консенсуса по поводу новых правил и практик.

Во-вторых, сохранение преемственности между старыми и новыми институтами. Этот вариант предполагает экономию ресурсов на проведение серьёзных реформ, выстраивании новой системы управления и формировании новой нормативной базы, снижение на первых порах трансакционных издержек. Сама по себе ситуация определённости в силу доминирования старых норм и правил не препятствует долгосрочным вложениям акторов в общественные блага и появлению «стационарных бандитов» (при наличии других благоприятных для

этого условий). Однако такой эффект этой стратегии не может быть долгосрочным. Со временем противоречия между старыми институтами («порядка с ограниченным доступом») и новыми требованиями, между формальными и неформальными нормами могут обостриться, а транзакционные издержки увеличиться.

В-третьих, непоследовательное осуществление институциональных реформ. Этот вариант предполагает сосуществование старых и новых норм, правил и механизмов, часто противоречащих друг другу, усиление ситуации неопределённости, обострение противоречий между формальными и неформальными нормами и процедурами. Эта стратегия мотивирует акторов на использование противоречий в своих личных или узкогрупповых целях, достижение сиюминутной выгоды, а не на вложение в долгосрочные общественные блага.

Для учета типа стратегии реформ мы обратились к подсчётам Т. Фрая, используя численный индекс на основе данных ЕБРР за период с 1990 по 2004 гг. с помощью метода главных компонент индекс институциональных и экономических реформ. [Frye 2010: 75] При этом все страны были разбиты нами на три группы. В первую группу попали страны, индекс которых не превышал значения 5,5 (государства, сохранившие высокую институциональную преемственность). В вторую группу вошли страны с значением индекса, расположенном в промежутке от 5,51 до 8. И третья группа стран включала те, значения индекса у которых превышало 8 (условно государства с радикальной стратегией реформ). Сложности отнесения некоторых стран к той или иной группе (например, Хорватии со значением в 7,96) были учтены при интерпретации результатов анализа.

Поскольку таблицы истинности требуют бинарных категорий анализа, переменная, отражающая стратегии реформ, была разбита на две (стратегия реформ 1 – D, стратегия реформ 2 – G). Что касается первой переменной (D), то высказывание оценивалось как истинное, если страна относилась к группе стран с высокой степенью институциональной преемственности. В остальных случаях высказывание относительно оценивалось как ложное. По переменной G высказывание оценивалось как истинное относительно стран, где осуществлялась радикальная стратегия реформ (страны третьей группы). У остальных оно оценивалось как ложное.

Четвёртый фактор-условие — наличие конкуренции внутриэлитных групп и возможность ресурсного обеспечения доминирования одной группы (концентрации ресурсов в руках одной элитной группы вне зависимости от их количества). Этот фактор имеет особое значение в период социально-политических трансформаций, предполагающих формирование новых государств, смену режима и т. д. В условиях отсутствия радикальной смены политической элиты, конкуренции между различными элитными группами и при доминировании одной элитной группы, укоренённой в старом политическом порядке, концентрации ресурсов для поддержания этого доминирования у доминирующей группы оказывается мало стимулов для институциональных новаций. В этих условиях реакция на стимулы внешней среды (например, международной) к институциональным заимствованиям может привести к заимствованию внешней формы института, а не алгоритма.

Данный фактор-условие кодировался на основе экспертной оценки. При этом истинным высказывание считалось тогда, когда в той или иной стране доминирование одной политической группы осуществлялось в течение длительного времени. Так, например, для России данное выражение оценивалось как истинное (при этом мы учитывали, что в 1999–2000 г. не произошло смены власти), в то время как для Грузии и Украины как ложное, несмотря на доминирование отдельных политических сил в тот или иной период времени (и в той, и в иной стране власть менялась неоднократно, доминирующим акторам не удавалось сосредоточить в своих руках ресурсы, необходимые для сохранения власти). Относительно Белоруссии дан-

ное высказывание оценивалось как истинное. При этом мы учитывали длительность периода существования режима А. Лукашенко.

Ещё одним важным, по нашим предположениям, условием было наличие материальных ресурсов, которые гипотетически можно вложить в институциональное строительство. Само по себе наличие материальных средств не гарантирует успех трансплантации институтов, но создаёт дополнительные возможности для проведения дорогостоящих реформ. В качестве показателя наличия этих ресурсов использовался ВВП на душу населения по оценкам Всемирного банка (Atlas method). Мы взяли данные за 2004 г. с учётом временного лага относительно индексов господства права, голоса и подотчётности и качества регулирования, полагая, что влияние ресурсной обеспеченности проявляется с течением времени.

Страны нашей выборки были разбиты на три группы в зависимости от величины ВВП на душу населения. В первую группу были включены страны с показателем от 0 до 2,000. Во вторую — с показателями, превышающими 2,000 и до 5,000. В третью — все остальные (то есть с ВВП больше 5,000). Для дихотомического кодирования были созданы две переменные-условия: E и J. По переменной E высказывание кодировалось как истинное, если страна относилась к первой группе (то есть с маленьким ВВП). По переменной J высказывание кодировалось как истинное, если страна относилась к третьей группе (то есть с относительно высоким ВВП).

Разбиение стран на три группы по параметрам «господство права», «голос и подотчётность» и «качество регулирования» было осуществлено следующим образом.

По параметру «господство права» к первой группе были отнесены страны с низкими показателями индекса (до -1; условно «отстающие»). Ко второй группе — со средними показателями (от -0,99 до 0,1), к третьей — с относительно высокими показателями по выборке (выше 0,1; условно «успешные»).

По параметру «голос и подотчётность» к первой группе были отнесены страны с величиной индекса до -1 (условно «отстающие»), ко второй группе — от -0,99 до 0,1, к третьей — выше 0,1 (условно «успешные»).

На основе индекса «качество регулирования» страны также были поделены на три группы. Учитывая больший разброс значений по выборке, были выбраны другие границы отнесения к группам. К первой группе были отнесены страны со значениями индекса до -1 (условно «отстающие»). Ко второй группе — со значениями от -0,99 до 0,49. К третьей группе — со значениями от 0,55 и выше (условно «успешные»).

Соответствующие данные представлены в таблице 1. В таблице 2 представлены результаты кодирования факторов-условий. Далее страны выборки были разбиты на типологические группы, включающие в себя одинаковое сочетание условий-отклика. В таблице 3 представлена группировка стран относительно «господства права».

На основе таблицы 3 была составлена формула, включающая в себя типы сочетаний, для «отстающих» стран по параметру «господство права»:

$$F(1) = abCDgej+abcdgEj+abCDgEj+abCdgEj$$

Процедура логической минимизации позволила выделить два необходимых для отнесения к группе «отстающих» условия:

$$F(1) = ab$$

Как следует из этой формулы, такими условиями являются отсутствие традиций независимой государственности в XX веке и членства в ЕС. Помимо этих двух условий для большинства стран этой группы необходимым является доминирование одной элитной группы и концентрация ресурсов для поддержания такого доминирования. Исключением является Киргизия, где выражение, связанное с доминированием, оценивалось как ложное по причине произошедшей в 2005 г. Тюльпановой революции и последующих событий. Однако до 2005 г.

Киргизия могла быть условно отнесена к группе стран с доминированием одной элитной группы. В связи с этим доминирование можно также отнести к совокупности необходимых условий для отнесения стран к группе «отстающих» по критерию «господства права».

Интересно также отметить, что в этой группе отсутствуют страны, где осуществлялась радикальная стратегия реформ. Она включает в основном государства Центральной Азии (что позволяет предположить влияние культурных особенностей, плохо поддающихся формализации) с относительно низким ВВП на душу населения (исключение составляет Белоруссия).

Формула сочетаний условий относительно второго варианта отклика (для стран-«среднячков») выглядит следующим образом:

$$F(2) = Abcdgej + abcdgEj + abCdgej + abcdgej + abcdgeJ = bdg$$

Исходя из этой формулы, необходимыми отнесения стран к этой группе являются отсутствие членства в ЕС и смешанная, непоследовательная стратегия реформ.

В основном в этой группе представлены страны с низким или средним уровнем ВВП на душу населения (исключение составляет только Хорватия). Это преимущественно страны, входившие в прошлом в состав Российской или Османской империи или находившиеся в зависимости от них. То косвенно свидетельствует о влиянии традиций имперской непрямо стандартизованной системы организации власти с высоким значением неформализованных или слабо формализованных, межличностных отношений [Мелешкина 2013: 10–29].

Многие из этих стран не имели опыта самостоятельной государственности в XX веке. Иной вариант кодирования наличия опыта независимой государственности России в XX веке в данном случае умножает количество вариантов сочетаний-условий, но не влияет на состав и характер необходимых условий.

Формула сочетаний условий относительно третьего варианта отклика выглядит следующим образом:

$$F(3) = ABcdGeJ + aBcdGeJ = BcdGeJ$$

Таким образом, у «успешных» стран необходимым сочетанием условий является членство в ЕС, отсутствие доминирования одной элитной группы и концентрации ресурсов для поддержания этого доминирования, радикальная стратегия реформ, высокие показатели ВВП на душу населения. Помимо этого, следует отметить особое геополитическое положение этих стран (в основном страны Центральной Восточной Европы). Большинство из них имели опыт самостоятельной государственности в XX веке.

В таблице 4 представлена группировка стран относительно «голоса и подотчётности».

Формула сочетаний условий у стран первой группы следующая:

$$F(1) = abCdgeJ + abCDgEj + abCDgej + abCdgej = abC$$

У «отстающих» в плане развития «голоса и подотчётности» необходимыми условиями отнесения к этой группе являются отсутствие традиций независимой государственности, членства в ЕС, доминирование одной элитной группы и наличие ресурсов для его поддержания. Кроме того, в этой группе нет государств с высоким уровнем ВВП на душу населения и радикальной стратегией реформ. В группу входят в основном страны Центральной Азии, а также Азербайджан, Россия и Белоруссия.

Иной вариант кодирования независимой государственности России в XX веке в данном случае умножает количество вариантов сочетания условий и сокращает на одно количество необходимых условий. Однако мы полагаем, что этот вариант кодирования является менее адекватным с точки зрения логики и задач исследования.

Формула сочетаний условий у стран второй группы следующая:

$$F(2) = Abcdgej + abcdgEj + abcdgej = bcdgj$$

У «среднячков» необходимыми условиями выступают отсутствие членства в ЕС, доминирования одной элитной группы и непоследовательная стратегия реформ. Это страны с низким или средним по выборке ВВП на душу населения. Практически у всех отсутствует опыт независимой государственности в XX веке, исключая Албанию.

Формула сочетаний условий у стран третьей группы следующая:

$$F(3) = Abcdgej + ABcdGeJ + aBcdGeJ + abcdgeJ = cd$$

У наиболее «продвинутых» в отношении «голоса и подотчётности» был выделен одно необходимое условие — отсутствие доминирования одной элитной группы. Однако при этом следует отметить, что в восьми из десяти стран группы общими условиями являются членство в ЕС, радикальная стратегия реформ и высокий ВВП на душу населения. Две другие страны (Болгария и Румыния) до 2007 г. являлись кандидатами в члены Европейского Союза, поэтому обязательства, связанные с членством в нем, не могли не сказаться на институтах демократического правления. В связи с этим членство в ЕС можно считать одним из элементов сочетания необходимых условий вхождения в эту группу стран. Интересно также отметить, что в восьми из 10 стран общим условием является опыт независимой государственности в XX веке.

В таблице 5 представлена группировка стран относительно «качества регулирования».

Таблица 1. Разбиение совокупности посткоммунистических стран на группы на основе индексов «господства права», «голос и подотчётность» и «качество регулирования».

Страны	Господство права (значение индекса)	Господство права (разбиение на группы)	Голос и подотчётность (значение индекса)	Голос и подотчётность (разбиение на группы)	Качество регулирования (значение индекса)	Качество регулирования (разбиение на группы)
Азербайджан	-0,83	2	-1,13	1	-0,50	2
Албания	-0,7	2	0,09	2	0,07	2
Армения	-0,51	2	-0,59	2	0,24	2
Белоруссия	-1,09	1	-1,8	1	-1,56	1
Болгария	-0,1	2	0,68	3	0,62	3
Венгрия	0,92	3	1,4	3	1,19	3
Грузия	-0,44	2	-0,19	2	0,21	2
Казахстан	-0,83	2	-1,06	1	-0,45	2
Киргизия	-1,19	1	-0,64	2	-0,40	2
Латвия	0,57	3	0,86	3	1,06	3
Литва	0,49	3	0,93	3	1,12	3
Македония	-0,46	2	0,25	2	0,12	2
Молдавия	-0,66	2	-0,38	2	-0,31	2
Польша	0,37	3	0,84	3	0,77	3
Россия	-0,97	2	-1,01	1	-0,44	2
Румыния	-0,11	2	0,5	3	0,52	3
Словакия	0,45	3	0,93	3	1,03	3
Словения	0,88	3	1,06	3	0,8	3
Таджикистан	-1,13	1	-1,26	1	-1,02	1
Туркмения	-1,33	1	-2,07	1	-2,02	1
Узбекистан	-1,06	1	-1,91	1	-1,45	1

Украина	-0,70	2	-0,09	2	-0,42	2
Хорватия	0,04	2	0,48	3	0,46	2
Чехия	0,86	3	0,96	3	1,03	3
Эстония	1,00	3	1,05	3	1,50	3

Таблица 2. Значения факторов-условий по странам
(результаты кодирования истинности или ложности высказываний).

	А Традиции независимой государственности в 20 в.	В Внешняя рамка (членство в ЕС)	С Доминирование одной элитной группы, концентрация ресурсов в ее руках	D, G Радикализм реформ	Е, J ВВП на душу (в скобках — значение в долл.)
Азербайджан	0	0	1	0, 0	(950) 1, 0
Албания	1	0	0	0, 0	(2,030) 0, 0
Армения	0	0	0	0, 0	(1,160) 1, 0
Белоруссия	0	0	1	1, 0	(2,180) 0, 0
Болгария	1	0	0	0, 0	(2,950) 0, 0
Венгрия	1	1	0	0, 1	(8,540) 0, 1
Грузия	0	0	0	0, 0	(1,100) 1, 0
Казахстан	0	0	1	0, 0	(2,300) 0, 0
Киргизия	0	0	0	0, 0	(400) 1, 0
Латвия	1	1	0	0, 1	(5,460) 0, 1
Литва	1	1	0	0, 1	(5,870) 0, 1
Македония	0	0	0	0, 0	(2,420) 0, 0
Молдавия	0	0	0	0, 0	(730) 1, 0
Польша	1	1	0	0, 1	(6,270) 0, 1
Россия	0 (1)	0	1	0, 0	(3,410) 0, 0
Румыния	1	0	0	0, 0	(3,010) 0, 0
Словакия	0	1	0	0, 1	(8,800) 0, 1
Словения	0	1	0	0, 1	(15,400) 0, 1
Таджикистан	0	0	1	1, 0	(270) 1, 0
Туркмения	0	0	1	1, 0	(1,310) 1, 0
Узбекистан	0	0	1	0, 0	(460) 1, 0
Украина	0	0	0	0, 0	(1,270) 1, 0
Хорватия	0	0	0	0, 0	(8,150) 0, 1
Чехия	1	1	0	0, 1	(9,750) 0, 1
Эстония	1	1	0	0, 1	(7,570) 0, 1

Таблица 3. Типы сочетаний условий-отклика («господство права»)

Казусы	Традиции независимой государственности (А)	ЕС (В)	Доминирование (С)	Реформы (D, G)	ВВП (Е, J)	Господство права (F)
Албания, Бол-	1	0	0	0, 0	0, 0	2

гария, Румыния						
Армения, Грузия, Украина, Молдавия	0	0	0	0, 0	1, 0	2
Казахстан, Россия, Азербайджан	0 (1 для России во втором варианте кодирования)	0	1	0, 0	0, 0	2
Македония	0	0	0	0, 0	0, 0	2
Хорватия	0	0	0	0, 0	0, 1	2
Белоруссия	0	0	1	1, 0	0, 0	1
Киргизия	0	0	0	0, 0	1, 0	1
Таджикистан, Туркмения	0	0	1	1, 0	1, 0	1
Узбекистан	0	0	1	0, 0	1, 0	1
Венгрия, Литва, Латвия, Польша, Чехия, Эстония	1	1	0	0, 1	0, 1	3
Словакия, Словения	0	1	0	0, 1	0, 1	3

Таблица 4. Типы сочетаний условий-отклика («голос и подотчётность»)

Казусы	Традиции независ. государственности (A)	ЕС (B)	Доминирование (C)	Реформы (D, G)	ВВП на душу нас. (E, J)	Голос и подотчётность (F)
Азербайджан Узбекистан	0	0	1	0, 0	1, 0	1
Таджикистан Туркмения	0	0	1	1, 0	1, 0	1
Белоруссия	0	0	1	1, 0	0, 0	1
Казахстан, Россия	0 (1 во втором случае кодирования России)	0	1	0, 0	0, 0	1
Албания	1	0	0	0, 0	0, 0	2
Армения, Грузия, Киргизия, Молдавия, Украина	0	0	0	0, 0	1, 0	2
Македония	0	0	0	0, 0	0, 0	2
Болгария, Румыния	1	0	0	0, 0	0, 0	3
Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Эстония, Чехия	1	1	0	0, 1	0, 1	3
Словакия,	0	1	0	0, 1	0, 1	3

Словения						
Хорватия	0	0	0	0,0	0,1	3

Таблица 5. Типы сочетаний условий-отклика («качество регулирования»)

Казусы	Традиции независимой государственности (А)	ЕС (В)	Доминирование (С)	Реформы (D, G)	ВВП на душу населения (Е, J)	Качество регулирования (F)
Азербайджан	0	0	1	0,0	1,0	2
Албания, Румыния	1	0	0	0,0	0,0	2
Киргизия, Грузия, Молдавия, Украина	0	0	0	0,0	1,0	2
Казахстан, Россия	0	0	1	0,0	0,0	2
Македония	0	0	0	0,0	0,0	2
Хорватия	0	0	0	0,0	0,1	2
Белоруссия	0	0	1	1,0	0,0	1
Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан	0	0	1	1,0	1,0	1
Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Эстония, Чехия	1	1	0	0,1	0,1	3
Словакия, Словения	0	1	0	0,1	0,1	3
Болгария, Румыния	1	0	0	0,0	0,0	3

Формула сочетания условий-отклика у «отстающих» в отношении «качества регулирования» стран выглядит следующим образом:

$$F(1) = abCDgej + abCDgEj = abCDgj$$

У этих стран в необходимое сочетание условий отнесения к этой группе являются отсутствие традиций независимой государственности в XX веке, членства в ЕС, доминирование одной элитной группы и концентрация ресурсов для его поддержания, а также стратегия преемственности в отношении реформ.

Формула сочетания условий-отклика у стран средней группы в отношении «качества регулирования» следующая:

$$F(2) = abCdgEj + Abcdgej + abcdgEj + abCdgej + abcdgeJ = bdg$$

Это наиболее разнородная группа стран, однако и в ней есть объединяющее их сочетание условий. У этих стран в ряду необходимых условий — отсутствие членства в ЕС и непоследовательная стратегия реформ. Кроме того, почти все страны этой группы (за исключением Хорватии) — государства с низким или средним ВВП на душу населения.

Формула сочетания условий-отклика у стран «успешных» в отношении «качества регулирования» выглядит следующим образом:

$$F(3) = ABcdGeJ + aBcdGeJ + Abcdgej = c$$

На основе данного уравнения можно выделить единственный необходимый фактор отнесения к этой группе — отсутствие доминирования одной элитной группы. Вместе с тем, большинство этих стран к моменту 2007 г. были членами ЕС, а Болгария и Румыния в 2007 г. вступили в ЕС, а до этого были его кандидатами. Поэтому членство в ЕС также можно рассматривать как составляющую необходимого сочетания условий. Интересно отметить, что для большей части группы важным фактором является также наличие традиций независимой государственности, радикальная стратегия реформ и высокий уровень ВВП.

В целом проведённый анализ позволил выделить две относительно устойчивые группы стран, отличающиеся различными результатами институциональной трансплантации. С одной стороны — это восточно-европейские государства — «пионеры» в развитии институтов современного государства, демократии и рыночной экономики, для которых ключевыми условиями достижения подобных результатов стало членство в ЕС и отсутствие доминирования одной элитной группы. Во многих этих странах важную роль сыграл также радикальный характер проведённых реформ и традиции независимой государственности в XX веке.

С другой стороны — это «отстающие» в институциональном заимствовании преимущественно центрально-азиатские страны с доминированием одной элитной группы, невысоким уровнем ВВП, отсутствием традиций независимой государственности в XX веке и членства в ЕС.

Группа «среднячков» — более аморфная, включает в себя более разнородные по условиям государства. В том числе по двум индексам к ней можно отнести Россию. Однако необходимо отметить, что в этой группе отсутствуют страны, являющиеся членами ЕС. Кроме того, в ней нет государств, в которых осуществлялась радикальная стратегия реформ.

В целом использование качественного сравнительного анализа для изучения институциональных заимствований в условиях посткоммунистических трансформаций позволило выявить различия между странами выборки, выделить на их основе группы, отличающиеся сочетаниями условий и отклика, выявить основные факторы, совокупность которых оказывается важной для того или иного результата институциональной трансплантации. Вместе с тем полученные результаты нуждаются в более детальном осмыслении для более полного понимания механизмов институциональных заимствований и их результатов, в том числе путём привлечения данных казусно-ориентированных сравнений.

Мелешкина Е.Ю. 2012. *Формирование новых государств в Восточной Европе*. — М.: РАН. ИНИОН.

Мелешкина Е.Ю. 2013. Постимперские пространства: Особенности формирования государств и наций. — *Политическая наука*. — № 3.

Berkowitz D., Pistor K., Richard J.F. 2003. Economic development, legality, and the transplant effect. — *European economic review*. — Vol. 47.

Capoccia G., Kelemen D. 2007. The study of critical junctures: Theory, narrative, and counterfactuals in historical institutionalism. — *World politics*. — Vol. 59. — № 2.

Chang H.-J., Evans P. 2005. The role of institutions in economic change. — *Reimagining growth. Towards a renewal of development theory*. — L.; N.Y.: Zed books.

Configurational comparative methods. 2008. Ed. by Rihoux B., Ragin C.C. — Thousand Oaks; L.: Sage.

De Jong M., Stoter S. 2009. Institutional transplantation and the rule of law — How this interdisciplinary method can enhance the legitimacy of international organisations. — *Erasmus law review*. — Vol. 2, 3.

Frye T. 2010. *Building states and markets after communism: The perils of polarized democracy*. — Cambridge: Cambridge univ. press.

Grzymala-Busse A. 2002. *Redeeming the past: the regeneration of the communist successor parties in East Central Europe after 1989*. — N.Y.: Cambridge univ. press.

Kaufmann D., Kraay A., Mastruzzi M. 2010. The worldwide governance indicators: Methodology and analytical issues. — *World bank*. — Mode of access: http://www.brookings.edu/~media/research/files/reports/2010/9/wgi%20kaufmann/09_wgi_kaufmann.pdf. — Date of access: 20.07.2014.

Mahoney J., Goertz G. 2006. A tale of two cultures: contrasting quantitative and qualitative research. — *Political analysis*. — Vol. 14. — № 3.

Meyer-Sahling J.-H. 2009. Varieties of legacies: a critical review of legacy explanations of public administration reform in East Central Europe. — *International review of administrative sciences*. — Vol. 75. — № 3.

North D.C., Wallis J.J., Webb S.B., Weingast B.R. 2007. Limited access orders in the developing world: A new approach to the problems of development. — *Policy research working paper*. — Mode of access: <http://elibrary.worldbank.org/doi/pdf/10.1596/1813-9450-4359>. — Date of access: 20.07.2014.

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. 2009. *Violence and social orders: A conceptual framework for understanding recorded human history*. — Cambridge: Cambridge univ. press.

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. 2009. Violence and the rise of open-access orders. — *Journal of democracy*. — Vol. 20. — № 1.

Ragin C.C. 2008. *Redesigning social inquiry: Set relations in social research*. — Chicago: Univ. of Chicago press.

Ragin C.C. 1987. *The comparative method: Moving beyond qualitative and quantitative strategies*. — Berkeley: Univ. of California press. — 185 p.

Roland G. 2004. Understanding institutional change — Fast-moving and slow-moving institutions. — *Studies in comparative international development*. — Vol. 38. — № 4.

Stark D., Bruszt L. 1998. *Post-socialist pathways: Transforming politics and property in East Central Europe*. — N.Y.: Cambridge univ. press.

The European Union and the Baltic states... 2010. *The European Union and the Baltic states: Changing forms of governance*. Ed. by Jacobsson B. — L.; N.Y.: Routledge.

Tilly Ch. 1975. Western state-making and theories of political transformation. — *The formation of national states in Western Europe*. Ed. by Tilly Ch. — Princeton: Princeton univ. press.

Zweynert J. 2009. Interests versus Culture in the Theory of Institutional Change. — *Journal of institutional economics*. — Vol. 5.